

Древесные мифы

моск. художник. - 1995.
5 апр. (№ 13-14). - С. 5.

На выставки пейзажей я давно не хожу - вид в той или иной мере приближенных к жизни березок - непереносим для глаз (хотя лес люблю). Пейзаж сейчас, пожалуй, самый консервативный жанр. Пейзажисты понимают, что полный уход от "натуры" для них равнозначен смерти и знают себе эпатируют, плохо копируя Саврасова и Левитана. Но уже "без жизни и без любви",

С. МЕДВЕДЕВ. Черное с золотом.

не говоря о божестве и вдохновенье. Что же делать? Не отказаться же полностью от натуральных форм, уйдя в сферу чистой комбинаторики, рациональной, сухой и тоже крайне безжизненной? Конечно, нет! Тут нужен какой-то новый синтез жизненного впечатления и художественной идеи, новый "поворот винта".

Поиск такой идеи я вижу в пейзажах Сергея Медведева, московского художника, далекого как от поставангардной комбинаторики, так и от дотошного "натурализма". Хотя традиция в его работах ощутима. В живописном лаконизме, обобщенной предметности, локальных цветовых плоскостях и небоязни ярких "открытых" тонов видятся мне отголоски древнерусского искусства, и впрямь любимого художником. Но ценит он также и Сезанна и Матисса.

Что же у него своего, найденного?

Перед нами уже не "березки", не лес в лирической дымке или без оной, а какая-нибудь отдельная ветка, пятнистый березовый ствол или мощный, уходящий под землю древесный корень, данные на холстах как главный мотив изображения.

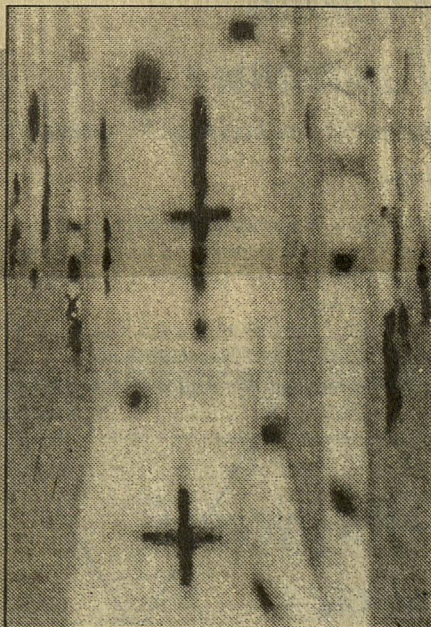
Лес увиден как интерьер, разбит на отдельные, прежде нами почти не замечаемые предметы и даже не предметы (слишком плоское слово), а на своеобразные мифологемы леса - миф заснеженного склона, лесной тропинки, ветвей и корней дерева, трещин и складок земли.

И все эти лесные подъемы и спуски, верхи и низы, горизонталь и вертикали запечатлены в геометрии художественного пространства, отсекающего все ненужное, лишнее, чужеродное и оставляющего как бы "чистую" идею увиденных натуральных форм.

Художник работает линией и цветом, используя и тут опыт древнерусской живописи с ее синтезом рисунка и колорита.

При этом нет ощущения "отдельности" рисунка и цвета, а есть их несколько противоречивое единство, когда скупой и чуть монотонный, лишенный "характерности" рисунок дополняется неожиданно яркой палитрой с резкими и контрастными сочетаниями тонов.

Сама "интерьерность" в подходе к лесу вызвана у художника какой-то общей любовью к интерьеру - а именно, к расчлененному, структурированному, избавленному от хаоса изолированному пространству, в котором художнику хорошо. Видимо, отсюда и серия его бытовых интерьеров, далеких от "бытового" или эстетического любования ве-

С. МЕДВЕДЕВ. Три березы.

щью, но дающих как бы саму душу обжитого человеком и избавленного от хаотической бессмыслицы пространства с его глепеланиями, перегородками, верхом и низом...

Этот пристальный и одновременно не бытовой взгляд на мир вообще в духе русской ментальности, где "вещизм" до сих пор слово ругательное, а интеллигенция даже и теперь бьется над проклятыми вопросами. По-своему бьется над ними в своей живописи и С. Медведев, пытаясь из простого природного мотива сотворить новую идеальную реальность, миф, пронизанный гармонией и поэзией.